

С.Ю. Пчелкина*

ФЕНОМЕН К.Н. ЛЕОНТЬЕВА:
ОТ ЭСТЕТИЗМА К РЕЛИГИОЗНОМУ ЧУВСТВУ

В фокусе внимания автора – идеи К.Н. Леонтьева о единстве эстетики и религии. Изначально придерживался секулярного мировоззрения, философ пережил духовный переворот и стал религиозным человеком, войдя в православие через красоту византизма. К.Н. Леонтьев был убежден, что эстетика создает условия для принятия истин веры. В статье утверждается, что изучение духовного опыта К.Н. Леонтьева актуально для решения проблемы взаимоотношений религиозного и эстетического начал в структуре личности.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, духовный опыт, эстетизм, религиозность, христианство

The phenomenon of Konstantin Leontiev: from aestheticism to religious feeling. SVETLANA Yu. PCHELKINA (Far Eastern Federal University)

The author focuses on the ideas of Konstantin Leontiev on the unity of aesthetics and religion. Initially adhering to a secular worldview, the philosopher experienced a spiritual upheaval and became a religious person, entering Orthodoxy through embracing the beauty of Byzantism. Leontiev was convinced that aesthetics creates conditions for the acceptance of the truths of faith. The article states that the study of Leontiev's unique spiritual experience is relevant for tackling the issue of the relationship between religious and aesthetic principles in the structure of personality.

Keywords: K.N. Leontiev, spiritual experience, aestheticism, religiosity, Christianity

В истории русской мысли Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) занимает особое место, поскольку его судьба, его образ жизни, его взгляды, его творения есть парадоксальный синтез разнородных интенций, в котором отобразилась драма всей духовной стороны русской культуры. Загадка К. Леонтьева в том, что он должен был пойти, но не пошел по пути Серебряного века, деятели которого во многом пытались соединить тягу к прекрасному с религиозным чувством, зримым выражением чего стал культ ис-

кусства. Служителями этого культа стали многие знаменитые художники, писатели, поэты, композиторы и просто образованные люди, представители русской интеллигенции. Леонтьев же, будучи, по его выражению, «эстетиком-пантеистом», обратился в сторону подлинно религиозной жизни, но это стоило ему невероятных усилий: «И какую я, грешный, пережил после этого долголетнюю и жесточайшую борьбу, пока Господь не успокоил мою душу и не охладил мою истинно-сатанинскую когда-то фантазию» [7, с. 783].

* ПЧЕЛКИНА Светлана Юрьевна, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pchelkina.syu@dvfu.ru

© Пчелкина С.Ю., 2022

К.Н. Леонтьев, судя по его автобиографии и по литературным произведениям, вполне ясно осознавал, что он сам действительно был тем человеком, который поклонялся культу красоты и искусства. И то место в душе человеческой, которое было предназначено для религиозного чувства, у Леонтьева было заполнено эстетическими переживаниями, которыми он длительное время жил и вдохновлялся настолько, насколько это, в определенном смысле, присуще религиозному человеку. Как бы то ни было, но в экзистенциальном смысле его личность была наполнена. И надо признать, у эстетического переживания есть свойства, которые настолько сильно сближают его с переживанием религиозным, что легко могут обмануть человека, убеждая его в духовном наполнении: «Творчество с его эстетическим характером есть один из видов “пограничной ситуации”, погружающей человека в переживание подлинного бытия, позволяющей ощутить личности экзистенцию, дающей опыт трансцендентного, который и составляет нашу духовность» [8, с. 1039].

Тем удивительнее был переворот, который отмечает сам Леонтьев в автобиографическом сочинении «Мое обращение и жизнь на Св. Афонской горе»: «...Я из эстетика-пантеиста ... стал верующим христианином» [7, с. 782]. На наш взгляд, именно в этих словах закодирована феноменальная история Леонтьева как духовного типа, наиболее редко встречающегося именно потому, что эстетство есть наиболее сложно преодолимый барьер на пути к истинной вере. Леонтьев абсолютно прав, когда говорит о том, что его духовная победа «стоит внимания». В этой статье нам хотелось бы обратить внимание именно на эту победу Константина Леонтьева и попытаться объяснить, в чем же она состояла.

Для лучшего понимания драматической судьбы К.Н. Леонтьева следует учитывать культурно-исторический контекст, в котором формировалась его личность – это девятнадцатый век, золотой век русской культуры, обратной стороной которого был духовный кризис, когда духовные запросы человека образованного удовлетворялись, так сказать, вне церковной ограды. Здесь мы придерживаемся определения протоиерея Георгия (Ореханова): «Духовный (религиозный кризис) мы определяем как ситуацию, когда восприятие констант культуры, связанных с религиозной сферой, претерпевает серьезную трансформацию. Реальные ре-

лигиозные проблемы представителей данного поколения не могут найти разрешение в традиционной системе духовных и нравственных ценностей, таким образом, возникает либо необходимость конструирования новой системы ценностей, либо переосмысление традиции» [9, с. 48].

Если судить по собственным воспоминаниям Леонтьева о воспитании в детстве, о взрослении и самостоятельной жизни, то он – типичный представитель своего века, поэтому анализ личности Леонтьева дает ключ к пониманию трагического противоречия его эпохи.

Девятнадцатый век – это синтез секулярности и духовности, амбивалентность, которая на первый взгляд просто невозможна. Но связующим звеном между ними стало эстетическое начало, которое именно в этот период для большинства образованных людей стало доминирующим, системообразующим. Этот культ искусства и красоты стал логическим результатом процесса, который начался в России в связи с привнесением в духовный мир русского человека идей западноевропейского Возрождения и Просвещения. Недаром этот век связан с мощным явлением романтизма, которое повинно в гипертрофировании в человеке именно эстетического переживания, поскольку оно делает акцент на «чувстве», «внутреннем переживании», «воспарении», а самое главное – на «мечтательности», т.е. чувственных переживаниях ложных образов, которые становятся внутренними руководителями человека. Эстетические переживания легко заменяют собой все другие духовные явления, в том числе и Бога, поскольку они понятны, а самое главное – приятны человеку. Гипертрофированный эстетизм «подсаживает» человека на наслаждение, и вытравить его из структуры человеческой личности чрезвычайно сложно. В православной антропологии особое место занимает разработка вопроса о «прелести», которая, по словам епископа Игнатия (Брянчанинова), «есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину» [10, с. 366]. В том, как понимается в православном богословии состояние «прелести», не сложно увидеть сходство с эстетическим переживанием: «Прелесть действует первоначально на образ мыслей, и будучи принята и, извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело» [10, с. 366].

Эстетическое начало имеет важное значение в жизни человека, поскольку оно, по словам В.В. Бычкова, есть проявление «неутилитарных взаимоотношений человека с миром», сутью которых является «духовное наслаждение»: «Духовное наслаждение (в пределе – эстетический катарсис) свидетельствует о сверхразумном узрении субъектом в эстетическом объекте сущностных основ бытия, сокровенных истин духа, неуловимых законов жизни во всей ее целостности и глубинной гармонии, об осуществлении в конце концов духовного контакта с Универсумом (а для верующего человека – с Богом), о прорыве потока времени и, хотя бы мгновенном, выходе в вечность или, точнее, об ощущении себя причастным вечности» [1, с. 8]. На наш взгляд, именно в духовном наслаждении и есть главный смысл эстетического переживания, благодаря которому человек как бы возвышается над повседневностью, рутиной жизни и, не отчуждаясь от жизни физически, тем не менее получает ощущение свободы, «воспарения» над ней. На уровне эстетического переживания человек синтезирует несводимые в метафизическом отношении сущности – чувственное и сверхчувственное, и возникает то самое состояние наслаждения, специфическое именно для эстетического переживания, когда, по словам В.В. Бычкова, «в процессе созерцания какого-то эстетического объекта мы вдруг как бы перестаем его видеть (т.е. он уплывает на периферию нашего сознания) и погружаемся в некое сладостное, блаженное состояние, когда душа наша поет и ликует, а дух наш расширяется до вместилища всего Универсума или, напротив (то есть равно), срастворяется с Универсумом, ощущая себя всем в этом немолчном ликование и блаженстве» [2, с. 63]. В этой способности соединять несоединимое – зримое и незримое, телесное и духовное – и заключается, на наш взгляд, страшная сила эстетического переживания. Страшная – потому что несет в себе опасность подменить тягу человека к истине тягой к прекрасному, что не всегда есть одно и то же, поскольку для эстетического переживания обязательно нужен чувственный объект или какой-то аспект этого объекта, так что эстетическое переживание есть обязательно чувственное переживание, хоть и облагороженное, но не есть подлинное духовное состояние. Однако человек XIX в. не хотел подлинной духовности, он боялся ее, поскольку под влиянием идеалов Возрождения и Просвещения был убежден в

том, что истинная жизнь есть земная чувственная жизнь. В то же время в этих представлениях было нечто, что привносилось в сознание через религиозное христианское воспитание, которое уже не обладало монополией над мировоззрением человека, но все еще представляло мощный фактор его формирования. Земное и небесное – все это вместе формировало понимание, что человек есть возвышенное существо, и поэтому он не может быть «просто животным», поскольку наделен от Бога разумом, и на разумной основе преобразует, в отличие от животного, свою жизнь. Смысл человеческой жизни полагался в создании прекрасной земной жизни, и эстетическому переживанию отводилась роль создания «мечты» как некоего манящего идеала, который должен «звать» на подвиги науки и труда, и своим прекрасным видом стимулировать энергию осуществления этой мечты, этого идеала.

Это был великий самообман человека XIX в.! Но означает ли это, что эстетическое начало обязательно должно «уводить от Бога»? Каков взгляд на проблему эстетического и религиозного в православной церковной мысли? С одной стороны, по представлению В.В. Бычкова, есть взгляд Филона Александрийского на *гедон* как связующее звено между разумом и чувством [1, с. 39–40], а с другой – взгляд авторитетного православного богослова XIX в. епископа Игнатия (Брянчанинова), современника К.Н. Леонтьева, написавшего много сочинений о состоянии *преlestи* как поврежденном, негативном переживании, извращающем душу человека.

Даже поверхностный анализ понятий *гедона* и *преlestи* обнаруживает их смысловую связь с понятием *эстетики*. Что можно извлечь из противоположных суждений Филона Александрийского и епископа Игнатия о значении эстетического переживания? В поисках ответа на поставленный вопрос, сформулируем положения общего характера относительно связи религиозных убеждений и чувства прекрасного в структуре сознательной личности человека. Эстетическое чувство необходимо в структуре сознательной жизни человека вообще, и его невозможно элиминировать из структуры сознательной жизни религиозного человека, в том числе христианского вероисповедания. Хотя именно в системе христианского вероисповедания положение эстетического момента сильно проблематизируется, более того, объяв-

ляется основным барьером на пути формирования истинно христианского состояния сознания, поскольку идеал истинно христианского состояния сознания – это «смирennemудрие», которое достигается через практику христианского аскетизма. В контексте нашей темы христианский аскетизм следует рассматривать как культуру контроля чувств в человеке, которые постоянно нужно дисциплинировать, поскольку они обладают свойством заменять собою разумное, рациональное начало, легко выдавая себя за него. Великие аскеты прекрасно знали, наблюдая прежде всего за собой, что во внутреннем мире человека очень часто возникают опасные ситуации: и там, где человек убежден, что он руководствуется разумом, на самом деле он руководствуется чувством, и его целесообразность будет незримо определяться соображениями «приятности», а не «пользы», «наслаждения», а не «необходимости», хотя при этом он будет убежден в своей рассудительности, трезвости мысли, отстраненности от страстности и т.п.

Ценность духовного опыта К. Леонтьева в том, что он один из всей этой генерации XIX в. увидел и признал в себе «развращенность», «сладострастность», но при этом «утонченность». Чрезвычайно важно, что он осознал неочевидную для многих опасность бесконтрольной власти эстетического начала, именно потому, что человеку, говоря богословским языком, впавшему в прелесть, а по-светски – эстетику, почти невозможно себя исправить, или, как говорят в православии, «исцелить». У эстетика сознание настроено так, что у него вместо радости – наслаждение, вместо скорби – боль. Но трагедия эстетического сознания в том, что эстетик, избегая скорбей, ориентируясь на наслаждение, подводит себя к тому, что он обречен «жить больно». Личные трагедии Константина Николаевича, которые во многом обусловлены его тягой к чувственной красоте и стремлением к наслаждениям, являются, говоря медицинским языком, симптомом всего вышеописанного.

Но как же получилось у Леонтьева перестать быть «эстетиком-пантеистом»? Думается, что ответ может быть в следующем: эстетически соотнесясь с содержанием православной веры, он в нее «вошел» как эстетик, что наглядно показывает его знаменитое сочинение «Византизм и славянство», где в опыте типологического сравнения культур он применил в

явном виде именно эстетический подход. Так, определение жизни культуры осуществлено им языком натуралиста-медика и эстетика-художника одновременно: «Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного *смесительного* упрощения, свойственен, точно так же как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурным мирам» [6, с. 242]. Думается, что Леонтьев пришел к вере и изменил свое эстетическое мироощущение на религиозное чувство по путеводной линии эстетики. Он вошел в православие через красоту византизма, ценя ее за «сложность формы». Более того, в этом можно увидеть даже в определенном смысле *метод* обретения веры (конечно, с необходимой оговоркой, что так возможно приходить к вере, но не считать эстетическое за саму основу веры). Так, в тексте своей биографии Леонтьев прямо указывает на этот эстетический приход к вере, убеждая в его правомерности: «Хорошо, чтобы в детских воспоминаниях религиозное соединилось с изящным» [7, с. 798].

Наличие автобиографических рассказов Леонтьева об этих «неожиданных внутренних переменах» [7, с. 792] заслуживает, на наш взгляд, особого внимания, поскольку в них много материала для подлинно феноменологического исследования, направленного на анализ внутренней жизни сознания. По этим описаниям видно, что Константин Николаевич следил за процессами, происходившими в сфере его сознания, и его выводы очень ценны: здесь пригодился его медицинский подход объективного анализа, но только уже не чувственных проявлений, а духовных.

Самое существенное, что выделяется нами из опыта Леонтьева в области феноменологического исследования своего сознания – это процесс примирения рационально-рассудочного начала с иррациональной природой веры. Леонтьев осознает, что основной барьер для людей образованных есть вера в Бога: «Многие, конечно, не допускают и мысли, чтобы человек образованный нашего времени мог так живо и так искренно верить, как верит простолюдин по невежеству» [7, с. 789]. Объяснение этому обстоятельству, конечно, не в самом образовании, а в том, что тогда под этим подразумевалось: знание о мире как действии неких законов, которые требуют от человека рассудочного понятия о чем-либо. В целом такое образование настра-

ивало человека на то, чтобы иметь рациональный контроль над всем, что происходит вокруг него. И именно это должно было быть помехой для веры в Бога. «Но это большая ошибка!» – пишет Леонтьев [7, с. 789]. Он открыл, что такое представление о несовместимости образования и веры есть большое заблуждение, поскольку образование не только не препятствует вере, а, наоборот, должно способствовать упрочению в вере: «Образованный человек ... может веровать гораздо глубже и живее простого человека, верующего отчасти по привычке (за другими), отчасти потому, что его вере, его смутным религиозным идеям никакие другие идеи не помешают» [7, с. 789]. Вера образованного человека крепче, непобедимее по отношению к другим «идеям»: «Побеждать ему нечего; умственно не с кем бороться» [7, с. 789]. Единственным препятствием на пути к вере стоит, по признанию Леонтьева, не образованность, а гордость, которая прививается человеку вместе с образованностью. Именно гордость есть слабое место образованного человека в отличие от человека простого: «Ему в деле религии нужно побеждать не идеи, а только страсти, чувства, привычки, гнев, грубость, злость, зависть, жадность, пьянство, распутство, лень и т.п. Образованному же (а тем более начитанному) человеку борьба предстоит гораздо более тяжелая и сложная, ему точно так же, как и простому человеку, надо бороться со всеми этими перечисленными чувствами, страстями и привычками, но, сверх того, ему нужно еще и гордость собственного ума сломить и подчинить его сознательно учению церкви...» [7, с. 789]

Борьба с гордостью, если она успешна, должна, по его словам, привести к интересному перевороту сознания и дать эффект отказа опираться на свой ум, т.е. полагаться на тот самый рациональный контроль над своей жизнью: «Не верю в безошибочность моего ума, не верю в безошибочность других, самых великих умов. Не верю тем еще более в непогрешимость собирательного человечества; но верить во что-нибудь всякому нужно, чтобы жить. Буду же верить в Евангелие, объясненное церковью, а не иначе» [7, с. 791].

Парадоксальным образом отказ от полагания на себя, на свой ум, человеческие знания не должен приводить к отказу от образованности в целом. Напротив, по убеждению Леонтьева, образованность не устраняется, она преобразуется так, что рациональное острие скепсиса

служит не во вред, а на пользу вере, а «сами познания наши начнут помогать нам в утверждении веры», укрепляя ее: «Все атеисты или антиатеисты нам послужат, и ... чем мы способнее скептически отнестись ко всем величайшим приобретениям науки и вообще ума человеческого, тем менее могут авторитеты этой науки и этого ума помешать нам смириться и склониться перед тем, перед чем мы сами хотим, не обращая даже никакого внимания ни на Руссо и Вольтера, ни на Гегеля и Шопенгауера, ни на Фогта и Фейербаха...» [7, с. 790].

А что происходит с эстетическим началом образованного человека в процессе его религиозного перерождения? Думается, что пример Леонтьева показывает, что приход человек к христианской вере не ломает личность и, если уж в человеке сильно эстетическое начало, то оно должно не исчезнуть, а по-своему послужить делу веры. Более того, Леонтьев благодаря сильно развитому в нем эстетическому началу смог подчинить свой ум и свою гордость. Как? Его ответ таков: «Сделай так, чтобы этому уму легко и приятно было подчиниться учению церкви!» [7, с. 790]. Таким образом, эстетическое начало может поспособствовать религиозному становлению личности, если изменить направленность сознания на объекты. Отныне они должны быть не чувственной природы, а подлинно духовной. И если эстетическое переживание дает чувство наслаждения, то оно должно следовать от мысленного «препадения» не к ногам прекрасной дамы и не к произведениям искусства, а «к стопам Спасителя, Апостолов, Св. Отцов» [7, с. 789]. И для этого нужно применить навык образованного человека – учиться, получать новые знания, но теперь уже нужно приобщиться к знаниям Церкви так, чтобы, по словам Леонтьева, «наконец, дойти до того, чтобы даже и не колеблясь нимало находить, что какой-нибудь самый ограниченный приходский священник или самый грубый монах в основе мирозерцания своего ближе к истине, чем Шопенгауер, Гегель, Дж. Ст. Милль и Прудон...» [7, с. 789].

Не перестав быть эстетиком, Леонтьев перестал быть пантеистом, а перестав быть «Прудоном», не перестал быть рационально мыслящим человеком; перестав быть гордецом, стал гордиться тем, что отныне ему «отраднее и приятнее ошибаться вместе с Апостолами, с Иоанном Златоустом, с митрополитом Филаретом, с отцом Амвросием, с отцом Иеронимом

Афонским, ...чем вместе со Львом Толстым, с Лютером, Гартманом и Прудоном» [7, с. 791].

Появление в структуре личности религиозного момента меняет качество личностного бытия. Опыт Леонтьева есть тот случай, когда с переменой сознания личность остается, но преобразается: «Боже мой, как хорошо, легко! Как все ясно! И как это ничему не мешает: ни эстетике, ни патриотизму, ни философии, ни неправильно понятой науке, ни правильной любви к человечеству» [7, с. 791]. По словам А.М. Коноплянцева, автора одной из первых биографий Леонтьева, та часть жизни Константина Николаевича, которую он посвятил религиозному идеалу, не была полностью противопоставлена прежней, т.е. посвященной служению красоте: «Монастырь не подавил в Л. его индивидуальности, а скорее раздвинул ее рамки: Леонтьев по-прежнему грезит о пышной и богатой разнообразием жизни, где силы божественные (религиозные) борются с силами эстетическими (демоническими)» [3, с. 137]. Леонтьев, наблюдая за внутренними состояниями своей личности, понял, что вера не требует отречения от любви к прекрасному. Более того, у эстетического начала есть своя, так сказать, *религиозная функция*: «Поэзия религиозных впечатлений способствует сохранению в сердце любви к религии. А любовь может снова возжечь в сердце и угасшую веру. Любя веру и ее поэзию, захочется опять верить» [7, с. 795].

Итак, к вере в Бога К.Н. Леонтьева привела эстетика: благодаря созерцательному погружению во внешнюю красоту «цветущей сложности» византизма он приобщился к первоисточнику ее, каким является православная вера, и, как нам думается, уже изнутри религиозного опыта православия, «по мере того как вникал все больше и больше в учение православной церкви» [7, с. 782], он смог увидеть себя как личность, сформированную неправильным образом, и изменился, не изменив себе. Об этом есть живые свидетельства современников, которые подтверждают за Леонтьевым это сложное сочетание, воспетую им «цветущую сложность», которой обладал и он сам: «Трудно было с ним соглашаться, невозможно было с ним не спорить, но и трудно было устоять против обаятельной красоты этой титанической натуры, которая была весь пламень, весь благородный гнев, о которой уже никто не мог бы сказать словами Апокалипсиса “Ты ни холоден, ни горяч”. Обаятельность заключалась и в скрытых

противоречиях духа Леонтьева, в раздирающей его душу драме всей жизни, и это ясно ощущалось всяким, кто соприкасался к этому новому Прометею XIX века» [5, с. 302].

Мы полагаем, что разгадка секрета этого преобразования личности, которую являет нам К.Н. Леонтьев, состоит в феноменальной способности православия направлять сознание человека на путь «трезвения мысли», во многом походящего на ту самую рассудительность, о которой учат европейские философы, но в то же время в этом есть нечто существенно иное. Возможно, что работа православной веры над сознанием состоит в создании особого сочетания эстетического и рационального начал в человеке, что является особым предметом исследования в рамках феноменологии религиозного сознания. И если в воззрениях К.Н. Леонтьева действительно можно увидеть их «аутентичность», их «нормальность» в системе архетипических моделей религиозного сознания» [4, с. 105], значит необходимо углубиться в исследование этого феномена, применив весь комплекс достижений современного гуманитарного познания на стыке философии, богословия и эстетики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков В.В. *Aesthetica patrum*. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир, 1995.
2. Бычков В.В., Маньковская Н.Б., Иванов В.В. Триалог: Разговор Второй о философии искусства в разных измерениях. М.: ИФ РАН, 2009.
3. Коноплянцев А.М. Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1891. С. 1–421.
4. Куренков А.С. Влияние Афона и Оптиной пустыни на К.Н. Леонтьева // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 4. С. 101–111.
5. Леонтьев К.Н. <Список верующих> / Публикация О.Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 295–315.
6. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 171–296.
7. Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на Св. Афонской горе // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 782–804.

8. Лукманова Р.Х., Столетов А.И. Роль эстетического в становлении личности // Вестник Башкирского университета. 2012. № 2. С. 1038–1041.

9. Ореханов Ю.Л. Духовный кризис русского общества: некоторые методологические аспекты проблемы // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 3. Ч. 1. С. 47–53.

10. Святитель Игнатий (Брянчанинов). О прелесть // Святитель Игнатий (Брянчанинов). Солнце на закате: Избранное о Православии, спасении и последних временах. М.: Церковно-историческое общество, 2017. С. 363–408.

REFERENCES

1. Bychkov, V.V., 1995. Aesthetica patrum. Estetika Ottsov Tserkvi. I. Apologety. Blazhennyi Avgustin [Aesthetica patrum. Aesthetics of the Church Fathers. I. Apologists. Blessed Augustine]. Moskva: Ladomir. (in Russ.)

2. Bychkov, V.V., Man'kovskaya, N.B. and Ivanov, V.V., 2009. Trialog: Razgovor Vtoroi o filosofii iskusstva v raznykh izmereniyakh [Trialogue: Second conversation on the philosophy of art in different dimensions]. Moskva: IF RAN. (in Russ.)

3. Konoplyantsev, A.M., 1891. Zhizn' K.N. Leontieva v svyazi s razvitiem ego mirosozertsaniya [The life of K.N. Leontiev in connection with the development of his worldview]. In: Pamyati Konstantina Nikolaevich Leontieva. Literaturnyi sbornik. Sankt-Peterburg, 1891, pp. 1–421. (in Russ.)

4. Kurenkov, A.S., 2017. Vliyanie Afona i Optinoi pustyni na K.N. Leontieva [The influence of Athos and Optina Monastery on K.N. Leontiev],

Nauka. Iskusstvo. Kul'tura, no. 4, pp. 101–111. (in Russ.)

5. Leontiev, K.N., 2010. <Spisok veruyushchikh> [<The list of believers> >]. In: Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gg. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2010, pp. 295–315. (in Russ.)

6. Leontiev, K.N., 1991. Vizantizm i slavyanstvo [Byzantism and Slavism]. In: Rossiya glazami russkogo: Chaadaev, Leontiev, Solovyov. Sankt-Peterburg: Nauka, 1991, pp. 171–296. (in Russ.)

7. Leontiev, K.N., 2003. Moe obrashchenie i zhizn' na Sv. Afonskoi gore [My conversion and life at Mount Athos]. In: Leontiev, K.N., 2003. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 6. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 782–804. (in Russ.)

8. Lukmanova, R.Kh. and Stoletov, A.I., 2012. Rol' esteticheskogo v stanovlenii lichnosti [The role of the aesthetic in the formation of personality], Vestnik Bashkirskogo universiteta, no. 2, pp. 1038–1041. (in Russ.)

9. Orekhanov, Yu.L., 2011. Dukhovnyi krizis russkogo obshchestva: nekotorye metodologicheskie aspekty problemy [The spiritual crisis of Russian society: some methodological aspects of the issue], Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 3, part 1, pp. 47–53. (in Russ.)

10. Svyatitel' Ignatii (Bryanchaninov), 2017. O prelesti [On delusive charms]. In: Svyatitel' Ignatii (Bryanchaninov), 2017. Solntse na zakate: Izbrannoe o Pravoslavii, spasenii i poslednikh vremenakh. Moskva: Tserkovno-istoricheskoe obshchestvo, pp. 363–408. (in Russ.)

